

В Англии многие считают, что преступление, творимое в Конго королем Бельгии Леопольдом II и его присными, не имеет себе равных в анналах истории. Я лично убежден в этом. История знает случаи ужасающего ограбления народов, как, например, ограбление норманнами Англии или англичанами Ирландии. Известны и случаи массового истребления населения — скажем, истребление испанцами южноамериканцев или турками подчиненных им народов. Но никогда дотоле не бывало, чтобы полное ограбление народа сочеталось с массовым его истреблением, причем делается все это из самых низменных коммерческих побуждений под гнусной личиной филантропии. Именно в силу своей мерзкой цели и велеречивого лицемерия, которым эту цель прикрывают, преступление в Конго беспримерно по своей чудовищности.

Свидетели этого преступления принадлежат к самым различным национальностям, а что касается приведенных ими фактов, то здесь возможность ошибок исключена. Есть среди этих очевидцев английские консулы — Кейзмент, Тезигер, Митчелл и Армстронг, в официальных докладах которых приведены конкретные факты и точные даты; французы Пьер Милль и Фелисьен Шайе, являющиеся авторами книг по данному вопросу; миссионеры из многих стран — англичане Харрис, Уикс и Стэннард, американцы Моррисон, Кларк и Шеперд, швед Шублом и иезуит патер Вермерш. Есть у нас и другие свидетельства: красноречивый жест итальянского правительства, которое запретило офицерам своей армии служить в Конго, где их заставляли быть палачами; доклад бельгийской комиссии по расследованию положения в Конго — как известно, бельгийские власти прилагали все усилия, чтобы не дать ей собрать нужные показания, ибо факты слишком ужасны, чтобы предать их гласности. Наконец в нашем распоряжении такое беспристрастное свидетельство, как фотоснимки. Любопытный американец, просмотрев «Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго» Марка Твена, увидит там примеры зверств. Перечисление всех этих источников информации ясно показывает, что нет такой чудовищно нелепой, омерзительно непристойной и зверской пытки, которой не подвергали бы безобидных и беспомощных конголезцев.

...Америка первой, еще в 1884 году, официально признала суверенитет короля Леопольда II над захваченной им территорией; стало быть, на нее падает ответственность за то, что она предоставила королю прерогативы, которыми он так страшно злоупотребил. Англия вместе с другими европейскими державами подписала Берлинский договор 1885 года, предусматривающий, что все его участники и каждый из них в отдельности

несут ответственность за положение туземцев...

По моему глубокому убеждению, недостаточная активность общественности в вопросе о Свободном Государстве Конго объясняется тем, что его страшная история не была доведена до сведения народов... Мне могут возразить, что история эта давнишняя и большая часть ее относится к периоду, предшествовавшему аннексии Свободного Государства Конго Бельгией, которая последовала 10 августа 1908 года. Но Бельгии не так-то легко сбросить с себя ответственность за содеянное.

Почти четверть века владеет она Конго и за это время сумела превратить его в земной ад. Бельгийцы не могут отмежеваться от того, что там происходит, и утверждать, что это дело рук администрации Свободного Государства Конго. Это дело рук бельгийского короля, бельгийских военных, бельгийских финансистов, бельгийских юристов, бельгийских капиталистов, и все они находили поощрение и защиту у сменявших друг друга бельгийских правительств...

А теперь я расскажу о черной истории подавления Государством Конго населения его народов, за моральный и материальный прогресс которых Англия и другие европейские державы обязались отвечать. Я привожу лишь один случай из ста известных, так как здесь невозможно остановиться на каждом из них. При этом на каждый известный случай приходится десять тысяч других, о которых в Европе так и не узнали. Примите во внимание, как велика территория страны и как незначительно число миссионеров и консулов, от которых только и могла исходить подобная информация. Примите во внимание также и то, что все должностные лица Государства Конго под присягой давали обязательство ни в период своей службы, ни после ее окончания не обнаруживать фактов, которые могли им стать известны. Наконец примите во внимание, что самое присутствие миссионеров и консулов служило сдерживающим фактором и что в тех обширных районах страны, куда они не имели доступа, агенты бельгийских компаний действовали совершенно беспрепятственно. Если мы учтем все эти обстоятельства, нам станет ясно, что чудовищные факты, о которых мы узнали, дают лишь слабое представление о том разгуле насилия и несправедливости, который, по словам патера Вермерша, можно охарактеризовать двумя словами: «Неизмеримое бедствие!».

Объявив всю территорию страны, а стало быть, и ее продукцию свою соб-

---

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНГО

ственностью, Государство Конго — иными словами, король Леопольд II — работало целую систему, чтобы собирать эту продукцию с максимальной быстротой и минимальными издержками. Суть системы состояла в том, что конголезцев, которых лишили решительно всего (по иронии судьбы их именуют «гражданами»), принудили собирать для обогащения властей ту самую продукцию, которую у них отнимали. Цель эта достигалась двумя способами: во-первых, налобообложением — от туземцев требовали произвольно назначаемого и все возрастающего количества сырья, сбор которого поглощал почти все их время и никак не оплачивался. Во-вторых, с помощью так называемого «обмена» государство платило туземцам за собранное сырье сколько и чем считало нужным, ведь оно не допускало на свою территорию никаких других покупателей. Вознаграждение, смехотворное по своим масштабам, носило к тому же самый нелепый характер. Туземцев заставляли брать совершенно ненужные им вещи. Вот что писал в 1908 году английский консул Тезигер об этом «обмене»: «Одному дают шляпу, другому железную мотыгу и т. д. Каждый туземец, получивший такое вознаграждение, должен в конце месяца сдать определенное количество каучука. Он не имеет права выбора, не может отказаться от вещи, которую ему навязывают, — все равно ее кинут ему под дверь, и, независимо от того, принял он «вознаграждение» или нет, в конце месяца с него спросят каучук. При этом агенты требуют от жителей наибольшего количества каучука, какое они физически в состоянии собрать».

Но разве не ясно, что туземцы, которые находились до прихода белых на гораздо более высокой ступени развития и были несравненно богаче и счастливее, чем теперь, не согласились бы торговать на таких условиях? Вот тут-то и была пущена в ход разработанная бельгийцами система.

Она заключалась в следующем: по территории Государства Конго было разбросано около двух тысяч белых агентов, задача которых состояла в том, чтобы обеспечить сбор каучука. Белых размещали по одному или по два человека в более крупных населенных пунктах, каждому давалась под начало целая округа с определенным числом деревень. Через посредство жителей этих деревень агент и должен был собирать каучук, который считается наиболее ценным достоянием Конго. Этим белым — а в Европе большинство из них зарекомендовало себя, как люди аморальные, — назначалось совершенно мизерное жалование — от 150 до 300 франков в месяц. Они могли увеличивать его путем комиссионных или премиальных, выплачивавшихся в зависимости от количества собранного каучука. Таким образом,

если агенту удавалось собрать много каучука, это обеспечивало ему прибавку к жалованью, официальную благодарность, более быстрое возвращение в Европу и шанс на повышение. Если же, напротив, сбор был невелик, это означало для агента нищету, жестокою взбучку от начальства и понижение по службе. Трудно представить себе другую систему, с помощью которой можно было бы заставить людей так лезть вон из кожи, чтобы добиться результатов любой ценой. Нельзя считать, будто именно бельгийцы настолько плохи, что подобное существование подорвало их моральные устои — да кроме того, среди агентов были и люди других национальностей. Едва ли англичане, американцы или немцы оказались бы на высоте, если бы они, очутившись в тропиках, подверглись подобному же искусу.

...Итак, две тысячи агентов готовы заставить туземцев собирать для них каучук, хотя сами туземцы совершенно этого не желают. Как же действовала эта система в отношении туземцев? Метод, применяемый к ним, был дьявольски жесток и действовал безотказно. Агентам давали под начало наемников-африканцев из самых диких племен. Снабдив этих дикарей огнестрельным оружием, их водворяли в каждую деревню, чтобы заставить местных жителей собирать каучук. Такие «головы», как их называли, несут фактическую, хотя и не моральную, ответственность за множество чудовищных злодеяний. Представьте себе, в какой кошмар превращается жизнь деревни, во главе которой поставлен такой варвар. Жители не могут избавиться от него ни днем, ни ночью. Он требует пальмовое вино, он требует женщин. Он истязает, уродует, убивает, кого ему заблагорассудится, он заставляет членов одной семьи публично сожительствовать друг с другом, чтобы поразвлечься этим зрелищем. Иной раз местные жители набираются духу и убивают своих мучителей. Как явствует из доклада Бельгийской комиссии по расследованию положений в Конго, за семь месяцев только в одном округе было убито 142 «головы». За этим последовали карательные экспедиции и истребление всего населения округа. Чем больше зверствовал «голова», тем он был полезнее — тем покорнее становились жители деревни, тем больше собирали они каучука, тем больше было жалование белого агента. Когда же сбор каучука уменьшался, «голове» самому приходилось испытывать те физические страдания, которые он причинял другим. Зачастую белые агенты далеко превосходили по жестокости тех варваров, которые выполняли их поручения. Нередко белый отстранял черного наемника и сам выступал в роли мучителя и палача. Однако, как правило, отношения между ними складывались именно таким образом:

«голова» творил зверства с одобрения, а зачастую и в присутствии своего белого начальства...

Так кто же несет ответственность за все эти кровавые злодеяния, за тысячи убийств, совершенных с полнейшим хладнокровием? Может быть, «голова»?

«Голова» — каннибал и злодей, но если бы он не сумел внушить ужас жителям деревни, то агент наказал бы его. Тогда, быть может, ответственность несет агент? Но он выродок, и к тому же любой человек, который служит в тропической стране при таких условиях, неизбежно деградирует. Вышестоящее начальство своими требованиями постоянно прищипывало его и толкало на преступления. Тогда, быть может, ответственность несет окружной комиссар? Он занимал ответственный и хорошо оплачиваемый пост, но мог потерять его, если бы возглавляемый им округ начал отставать в этой непрерывной погоне за каучуком. Тогда, быть может, ответственность несет генерал-губернатор? Этот человек заглушил в себе голос совести, но и для него можно найти смягчающие обстоятельства. Ведь он был послан в Конго с определенной целью и обязан выполнять приказы. Только человек исключительно сильного характера мог бы уйти с такого высокого поста, пожертвовать своей карьерой и отказаться следовать той гнусной системе, которая была разработана еще до того, как он стал к ней причастен. Так на кого же, в конце концов, ложится вина? Быть может, на нескольких высших чиновников в Брюсселе? Но ведь они просто приказчики, управлявшие чужим поместьем в соответствии с указаниями своего хозяина. Итак, проследим всю цепь с начала до конца: дикарь с обгаженными кровью руками; загнанный и озлобленный белый агент; чванный комиссар; величественный генерал-губернатор; скользкий дипломат; и вот, наконец, мы доходим до человека, чью вину нельзя оправдать никакими смягчающими обстоятельствами, человека, который с холодной расчетливостью разработал весь этот дьявольский механизм и пустил его в ход. Вина падает на короля Леопольда II, да, именно на него. Он разработал всю систему, заранее зная, к каким результатам она приведет. И они не замедлили последовать. Он был прекрасно обо всем информирован. Снова и снова обращали его внимание на положение в Конго... Нет на свете таких уверток, с помощью которых можно было бы снять моральную вину с главы Государства Конго, с человека, вступившего в Африку под лозунгом свободы торговли и возрождения туземной расы.

Чтобы подчеркнуть, что ужасы в Конго продолжают уже почти четверть века — и это ложится позорным пятном на

великие державы, ибо своим молчанием они попустительствуют творимому там преступлению, — я привожу показания очевидцев в хронологическом порядке...

Первое свидетельство, на которое я здесь сошлюсь, исходит от молодого английского путешественника Глэйва и относится к 1893—1895 гг. Глэйв в течение шести лет был на службе у Государства Конго. Через четыре года после того, как истек срок его службы, он в качестве частного лица совершил путешествие через всю страну от Танганьики на востоке до пункта Матади близ устья реки Конго, покрыв расстояние в 2 000 миль. Та система сбора каучука через посредство агентов, которую я описал выше, находилась еще в зачаточной стадии, но уже тогда Глэйв повсюду видел насилие и пренебрежение к человеческой жизни, которые в дальнейшем приобрели такие чудовищные масштабы. Надо помнить, что сам он был человек типа Стэнли, первооткрыватель и торговец, и пронять его было не так-то легко. Вот несколько выдержек из дневника Глэйва.

«Куда ни придешь, везде рассказывают одно и то же о действиях администрации Свободного Государства Конго: повсюду погоня за каучуком и убийства, рабство в самой страшной его форме».

Глэйв пишет о совершенно бесчеловечном обращении с туземцами:

«Сегодня заметил на тропе труп носильщика. Ясно, что человек этот был очень болен: от него остались кожа да кости. О носильщиках здесь никто не заботится... Ужасающее бессердечие... Бельгийцы не ставят жизнь туземца ни во что. Неудивительно, что их администрацию так ненавидят».

А вот что рассказывает Глэйв об обращении с «пленными», захваченными во время карательных экспедиций:

«На военных постах, где распоряжаются белые офицеры, видишь цепочки несчастных, истощенных старух — некоторые из них просто превратились в скелеты. Они работают с шести утра до полудня, а затем с половины третьего до шести: носят большие глиняные кувшины. У каждой вокруг шеи веревка, другой, общей веревкой они прикреплены друг к другу. Это военнопленные. Во время войны в плен всегда попадают старые женщины, но надо же проявить к ним хоть какую-то гуманность. Они обнажены, лишь вокруг бедер обернуты жалкие отрепья. Никого из них не отвязывают от общей веревки ни на минуту. Живут они в караульном помещении под присмотром туземцев-караульчиков, которые находят удовольствие в том, чтобы подвергать их побоям и издевательствам... У некоторых женщин есть дети,

АРТУР КОНАН ДОИЛЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНГО

но, несмотря на это, их заставляют делать ту же работу. Что за гнетущее зрелище...»

Глэйв подробно описывает «шикотту» — орудие пытки, которое то и дело пускали в ход бельгийские агенты и офицеры Свободного Государства Конго.

«Шикотта» — кусок необработанной кожи гиппопотама, с зубчатыми краями, острыми, как ножи, и твердыми, как дерево, — ужасное орудие пытки. После нескольких ударов ею человек весь окровавлен... Требуется необычайная физическая выносливость, чтобы выдержать чудовищное наказание в сто ударов. Как правило, жертва теряет сознание уже после двадцати пяти или тридцати. После первого удара человек страшно кричит, потом затихает и лишь издает глухие стоны, дрожь всем телом... От такой экзекуции на всю жизнь остаются рубцы и шрамы. Достаточно ужасно, что порке подвергаются мужчины, но еще ужаснее, когда это наказание выпадает на долю женщин и детей. Тяжелее всего приходится мальчикам лет десяти-двенадцати...»

Перейдем теперь к показаниям американского миссионера Мэрфи, который работал в другой части страны, но в те же самые годы. Свои впечатления он описал в газете «Таймс» за 18 ноября 1895 года:

«...Я был в глубинных районах Конго и видел, как власти опустошали страну и творили беззакония в погоне за каучуком. Позвольте мне привести один случай, чтобы показать, как пагубно эта бесчестная «торговля» отражается на туземцах. Капрал, под началом которого находится пункт Солифа, обходил деревню, собирая каучук. Встретив бедную женщину, муж которой ушел на рыбную ловлю, он спросил: «Где твой муж?». «Там», — ответила женщина, указав пальцем в сторону реки. Тогда капрал спросил: «А где каучук, который он собрал?». Женщина ответила: «Приготовлен для вас». «Врешь!» — крикнул капрал и застрелил ее на месте. Вскоре после этого с реки вернулся муж убитой. Захватив каучук, он пошел к капралу и спросил, почему тот застрелил его жену. Потом этот несчастный человек выхватил у кого-то ружье и застрелил капрала. Солдаты удрали, чтобы сообщить вышестоящим властям об этой истории, и в результате комиссар направил в Солифу большой отряд для поддержания авторитета армии. Деревня была разграблена и сожжена, многие ее жители убиты и ранены...»

Все эти зверства учиняются не только ради каучука. Во многих районах добыча его невозможна. Здесь с наименьшей жестокостью взимаются другие поборы. Мэрфи рассказывает, что произошло, когда деревня, которой было приказано регулярно сдавать властям продовольствие,

однажды не смогла выполнить этого приказа:

«Люди, мирно спавшие в своих хижинах, были разбужены выстрелом и вскочили посмотреть, что случилось. Когда они узнали, что деревня окружена солдатами, у всех возникла одна мысль — бежать. Солдаты безжалостно расстреливали мужчин, женщин и детей, выбегавших из хижин. Деревня была совершенно разрушена — ее развалины можно видеть и поныне. Расправа была вызвана лишь тем, что жители деревни один-единственный день не сдали властям продовольствия».

Мэрфи заканчивает свое сообщение следующими словами:

«Те ужасы, которые творятся в Конго, по большей части связаны с погоней за каучуком. Туземцы доведены до самого отчаянного положения. Каждый населенный пункт в округе обязан по воскресеньям доставлять в резиденцию комиссара определенное количество каучука. Сбор его производится силой. Солдаты загоняют население в заросли, тех, кто оказывает сопротивление, расстреливают, убитым отрубает левую руку, и эти трофеи сдаются в комиссариат. Солдаты даже не смотрят, в кого стреляют. По большей части они убивают несчастных, беспомощных женщин и ни в чем не повинных детей. Отрубленные руки — мужские, женские и детские — раскладывают рядами перед комиссаром, и он считает их, чтобы убедиться, что солдаты не расходовали патронов на сторону. Комиссар получает премиальные — около одного пенса за фунт каучука. Таким образом, он заинтересован в том, чтобы сбор каучука был как можно больше».

Как мы видим, сообщение американского миссионера Мэрфи подтверждает и разъясняет показания английского путешественника Глэйва. В ту пору система эта была еще вновь (лет через десять-двенадцать ее стали осуществлять более интенсивно), но уже тогда она принесла туземцам первые плоды общения с цивилизацией. Нельзя сказать, чтобы правление короля Леопольда не вызвало в стране никаких перемен. Есть множество доказательств того, что до прихода белых среди туземцев не было таких случаев членовредительства. Несомненно, господству европейцев способствовало их просвещение!

Ознакомившись с показаниями английского путешественника и американского миссионера, предоставим слово шведскому священнику Шублому (см. «Друг туземца», июль 1897 г.). Его данные относятся примерно к тому же самому периоду. Шублом жил в Экваториальном округе, где «система» была уже на полном ходу:

«Туземцы отказываются приносить каучук. Тогда им объявляют войну. Во все концы устремляются карательные

отряды. Они нападают на населенные пункты. Если жители убегают в заросли и пытаются спрятаться там, чтобы спасти свою жизнь, солдаты их выслеживают. Они уничтожают рисовые поля, разграбляют запасы продовольствия, срезают незрелые бананы, зачастую сжигают хижины и уж конечно растаскивают все, что представляет хоть какую-нибудь ценность. Я сам убедился, что в этом округе уже сожжены полностью сорок пять деревень. Я говорю — полностью, потому что многие деревни сожжены частично. Я проезжал через двадцать восемь таких покинутых деревень. Туземцы ушли в глубь страны. Чтобы избежать контакта с белыми, они идут часть пути берегом реки или переправляются через реку на французскую территорию. Иной раз на деревню налагается большая контрибуция. Тогда вожди вынуждены отдавать медную утварь, а если этого мало, то продавать своих жен. Об этом мне рассказал бельгийский офицер. Приведу один случай, когда человека убили у меня на глазах. Как-то раз я забрался в глубь страны несколько дальше, чем это мог предполагать комиссар, и стал свидетелем таких картин, которых, с его точки зрения, мне лучше было бы не видеть. Дело было в деревне Ибера, куда до меня не забредал ни один белый. Я пришел туда к заходу солнца, когда туземцы уже вернулись из приречных зарослей, где они искали каучук. Собралась большая толпа... Только я хотел было начать проповедь, как в толпу ринулись караульные и схватили какого-то старика. Они оттащили его в сторону, и их командир, подойдя ко мне, сказал: «Я застрелю этого человека, потому что он сегодня удил на реке рыбу, вместо того чтобы искать каучук»... Через несколько минут караульный застрелил старика у меня на глазах. Потом он снова зарядил ружье и навел его на толпу. Всех сразу же словно ветром сдуло. Караульный подошел мальчишка лет восьми и велел ему отрезать у старика правую руку. Человек этот был еще жив и, почувствовав, как нож вошел ему в тело, отдернул руку. Мальчик после некоторых усилий все же отрезал руку и положил ее у поваленного дерева. Немного позднее руку прокоптили на костре, чтобы потом отправить комиссару».

Здесь мы видим пресловутую систему во всей ее красе. Полагаю, что эта картина — ребенок, отрезающий руку полумертвому старику по приказу изверга, который, безусловно, убил бы и его самого, если бы он помедлил, — чудовищна даже для Конго. Недурной комментарий к христианской доктрине милосердия, которую собирался проповедовать миссионер!

Поначалу Шублом, видимо, не мог поверить, что такие вещи происходят с ведома и одобрения белых. Он осмелил-

ся обратиться к самому комиссару: «Комиссар возмущенно на меня набросился, — пишет он, — и заявил в присутствии солдат, что выгонит меня из деревни, если я впредь буду вмешиваться в такие дела».

И после этого мы читаем заявления бельгийских дипломатов, что они намерены продолжать «благотворную цивилизаторскую деятельность» своих предшественников!

Однако приведем еще абзац из сообщения Шублома, свидетельствующий о том, что бельгийские власти — прямые соучастники всех творимых в Конго преступлений и что присутствие миссионеров хоть в какой-то мере сдерживало их, препятствуя открытым проявлениям жестокости. Трудно представить себе, что творилось на огромных территориях страны, где не было миссий, если миссионеры все-таки видели так много ужасного.

«В конце 1895 года, когда население ушло в заросли на сбор каучука, комиссар сказал мне, что он неоднократно приказывал караульным никого не убивать. Однако 14 декабря мимо нашей миссии прошел караульный в сопровождении женщины, которая несла корзину с отрубленными руками. Я вышел на дорогу вместе с мистером Бэнксом и миссис Бэнкс, и они велели караульному разложить руки на дороге, чтобы сосчитать их. Мы насчитали восемнадцать прокопченных правых рук, судя по размерам — мужских, женских и детских. Мы не могли понять, для чего собирают эти руки — ведь комиссар распорядился, чтобы туземцев больше не убивали! И вот во время моего последнего путешествия я выяснил, в чем тут секрет. Однажды вечером караульный, только что вернувшийся от комиссара, сказал мне: «Ну что нам, караульным, делать? Комиссар собирает людей и говорит нам при всех, чтобы больше мы никого не убивали; а когда люди разойдутся, он приказывает нам убить несколько человек, если они не соберут достаточно каучука, но только не принести ему отрубленных рук»...

(Характерно, что представитель бельгийских властей в Конго Кювелье в официальном заявлении, сделанном в 1903 году, с превеликим усердием тщился доказать, что в одном случае такого членовредительства был повинен... кабан! Много же в Конго развелось кабанов, и странные у них повадки. Впрочем, кабанов этих выращивают не в самом Конго!..)

Из этих отрывков явствует, что бельгийские комиссары полностью повинны в чудовищных зверствах. Однако Шублому удалось раскрыть и следующее звено

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНГО

в той цепи преступников, которая приводит нас непосредственно в королевский дворец в Брюсселе. Генерал-губернатор Конго Вахис, сыгравший мрачную роль в его истории, специально приехал в Экваториальный округ, чтобы запутать шведского миссионера, а если это не удастся — запугать его...

«Быть может, вы и видели все, о чем рассказываете, — сказал генерал-губернатор, — но доказать ничего не сможете». Между тем комиссар приставил каждому свидетелю дуло к виску, чтобы Шублом уж наверняка ничего не смог доказать. Несмотря на это шведскому миссионеру удалось собрать свидетельские показания. Он явился к губернатору и спросил, когда тот сможет их выслушать. «Я не желаю выслушивать никаких свидетелей, — гневно ответил губернатор и добавил: — Если вы по-прежнему будете требовать расследования, мы возбудим против вас судебное дело... Получите пять лет тюрьмы».

Таковы показания шведа Шублома, разоблачившего перед всеми позорное поведение губернатора Вахиса.

«Это ложь!» — вопит апологет бельгийской политики в Конго. Но не странно ли все-таки, что шведы, англичане и американцы, священники и миряне, словно сговорились поносить ни в чем не повинную администрацию Государства Конго? Без сомнения, испорченные конголезские дети сами отрубали себе руки, чтобы бросить тень на «благотворную филантропическую деятельность» бельгийцев в Конго. Тартюф и Джек-Потрошитель в одном лице — видел ли когда-нибудь мир подобную комбинацию?

...Теперь я должен ненадолго отвлечься от этого длинного и ужасного перечня зверств, чтобы рассказать о некоторых других обстоятельствах, характеризующих положение в Конго.

Одним из таких факторов явилось завершение в 1898 г. строительства железной дороги в Нижнем Конго, связавшей Бому со Стэнли-Пулом* в обход водопадов Стэнли. Сам по себе замысел этот — превосходный и очень разумный. Но средства, с помощью которых он был осуществлен, гнусны и бесчеловечны. Не будь у цивилизации других претензий к Государству Конго, кроме строительства железной дороги с помощью принудительного труда... этого одного было бы достаточно, чтобы выдвинуть против него тяжкое обвинение... Вот как рисует одну из сцен на строительстве железной дороги член бельгийского сената Эдуард Пикар:

«...Мы постоянно встречали вереницы грузчиков; негры, негры, несчастные

негры. Единственная их одежда — ужасающе грязная тряпка, обернутая вокруг бедер; на непокрытых курчавых головах — ящики, тюки, слоновые бивни, корзины с каучуком или бочонки. Большинство носильщиков согнулось в три погибели — груз кажется им еще тяжелее из-за постоянной усталости и недоедания. Пища их состоит из горсти риса и протухшей вяленой рыбы. Жалкие бродячие кариатиды, вьючные животные с тонкими, обезьяньими длинными руками. Лица их искажены, глаза неподвижны от напряжения — ведь им так трудно сохранять равновесие, — и, кроме того, они совершенно измождены. Они бредут и бредут, тысяча за тысячей — человеческий грузовой транспорт... Люди едва волочат ноги, колени их согнуты, животы выдвинуты вперед, одна рука поднята, другая опирается на длинную палку. Пока эта огромная процессия проходит через горные перевалы и долины, лица грузчиков покрываются пылью, потом и насекомыми. Одни из них погибают в дороге, другие, закончив страшный путь, разбредаются по своим деревням, чтобы умереть там от истощения...» И все же эпопея эта бледнеет по сравнению с порабощением целого народа и двумя десятилетиями непрерывного его истребления...

Другой новый фактор заключается вот в чем: Государство Конго, будучи не в силах управлять своими обширными владениями, передало значительные территории в субаренду монополистическим компаниям, что полностью шло вразрез со статьей 5-й Берлинского договора. До 1897 года эти компании регистрировались в Бельгии и претендовали на некий международный характер. Администрация Государства Конго не осуществляла над ними открытого или прямого контроля. Теперь все изменилось. Государство Конго еще теснее связало себя с коммерческими предприятиями. Большинство компаний было распущено и создано вновь в соответствии с законами Государства Конго. В обмен за право монополии значительное число компаний предоставило Государству Конго контроль над своими делами — иной раз оно даже назначало всех управляющих и агентов компании. Половина акций такой компании (или половина ее прибыли) обычно шла в казну Государства Конго. Поэтому следует иметь в виду, что всякий раз, как мы будем упоминать компанию «АБИР», «Касаи», «Катанга», «Анверсуаз» или любую другую, по сути дела речь будет идти о Государстве Конго — то есть о короле Леопольде. Король, будучи владельцем этих компаний, выплачивал им 50% комиссионных за то, что они выполняли всю работу. А поскольку прибыли таких компаний составляли от 50 до 700% годовых (ведь они не оплачивали ни труд местного населения, ни поставляемую им

* Озеровидное расширение в среднем течении реки Конго.

продукцию), ни одна из сторон не оставалась в накладе...

Чтобы показать, какими методами действовали бельгийские компании, напомним, что король Леопольд назначил директором-распорядителем треста «Анверсуаз» известного своей жестокостью бельгийского офицера — капитана Лотэра. В 1898 г. Лотэр приехал в округ Монгалла, и с тех пор в Европу стали просачиваться смутные слухи о нападениях туземцев и кровавых ответных репрессиях, о проявлениях насилия и волнениях, которые неизбежны там, где целый народ, привыкший к свободе, вдруг обращают в рабство. О том, какого огромного размаха достигли операции с каучуком в период жестокого правления капитана Лотэра, можно судить по следующему факту: прибыли треста «Анверсуаз», составившие в 1897 г. 120 000 франков, в 1899 г. возросли до 3 968 000 франков — сумма эта в два с лишним раза превышала общий капитал треста. Француз Пьер Милль рассказывает в своей книге о бельгийском агенте компании, который, указав на ящики, где было 25 000 патронов, объявил: «Я могу превратить их в 25 000 фунтов каучука». Так вот, капитан Лотэр считал, что торговлю следует вести именно такими методами, и масштабы его боевых операций росли одновременно с добычей каучука. С точки зрения Лотэра, имело смысл перебить четверть населения, чтобы вынудить остальных лихорадочно и непрерывно трудиться.

Вероятно, в Европе так ничего толком и не узнали бы о похождениях Лотэра, если бы он не допустил крупной ошибки, рассорившись со своими подчиненными. Один из них, некто Лакруа, отправил сообщение в антверпенскую «Нью газет», которая, как и «Пти блё», в ту пору держалась честно и независимо... Письмо Лакруа, опубликованное 10 апреля 1900 года, пролило свет на мрачные события в округе Монгалла. Это было признание, но признание, затрагивающее также непосредственное начальство Лакруа. Он писал, что ему было приказано перебить всех туземцев в одной из деревень, жители которой не сдали вовремя своей нормы каучука. Лакруа выполнил приказ. Позднее его начальник заковал в кандалы 60 женщин и почти всем им дал умереть с голоду — в наказание за то, что в их деревне Муммумбула не собрали достаточно каучука. «Пусть меня судят, — писал Лакруа, — за то, что я убил 150 мужчин, распинал женщин и детей, изуродовал многих мужчин и развесил их останки на изгороди вокруг деревни».

В тот же самый момент, когда Лакруа сделал это признание, в «Пти блё» были опубликованы данные под присягой показания солдат, находившихся на службе у треста «Анверсуаз». Они прямо заявили, что истребляли целые деревни,

если их жители не сдавали достаточно каучука. Один из агентов этой компании, некто Морэ, также опубликовал в «Пти блё» признание, выдержка из которого приводится ниже:

«В Амбасе нас было 30 человек под началом Ван Эйкена; он послал нас в одну из деревень удостовериться, что туземцы собирают каучук, и велел в противном случае перебить их всех: мужчин, женщин и детей. Когда мы явились в деревню, туземцы мирно сидели дома. Мы спросили их, что они делают. Они не смогли нам ответить. Тогда мы бросились на них и стали беспощадно убивать. Через час подоспел Ван Эйкен. Мы рассказали ему обо всем. «Хорошо, но этого недостаточно!» — объявил он и приказал нам отрубить мужчинам головы и развесить их на деревенских плетнях, то же самое сделать с их половыми членами, а женщин и детей распять на заборах»...

Недаром американский миссионер Кларк писал в своем письме, датированном 25 марта 1896 года:

«Эта атака на каучук уже захлебнулась в крови, и, если туземцы восстанут и отправят к праотцам всех белых, какие есть в Верхнем Конго, белые все еще будут перед ними в страшном неоплатном долгу...»

Чтобы показать, как мало менялось с годами положение в Конго, я приведу сейчас выдержки из писем английского миссионера Сквивнера, который в июле, августе и сентябре 1903 г. проехал часть королевского домена (личного владения Леопольда II), где американец Кларк провел столько кошмарных лет. Мы увидим, насколько независимые показания англичанина и американца подтверждают друг друга... Сквивнер пишет: «...Я слышал от белых и от нескольких черных солдат самые ужасающие истории. Один белый (мне становится стыдно за мой цвет кожи всякий раз, как я вспоминаю об этом человеке) обычно стоит у дверей склада и получает каучук у несчастных, дрожащих от страха местных жителей, которые, пробив несколько недель в зарослях, в условиях крайних лишений, осмелились прийти к нему и принести все, что им удалось собрать. Если туземец приносит значительно меньше положенного, белый приходит в ярость, выхватывает у одного из караульных ружье и убивает несчастного на месте. В итоге каучука поступает мало, но убитые остаются лежать у дверей склада — чтобы заставить тех, кто уцелел, в следующий раз принести больше... Несколько туземцев, которые пытались бежать из Конго и были пойманы, привели на военный пост и, выстроив в затылок, убили одной пулей Альбини.

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНГО

«Жаль тратить патроны на таких негодяев», — объяснили мне. Только на дорогах, связывающих один военный пост с другим, можно видеть людей; огромные районы пришли в запустение и стали безраздельным владением диких зверей. Белый сам сказал мне, что можно идти пять дней в одном направлении и не встретить ни одной деревни, ни одного человека. А ведь раньше эту территорию населяло большое племя!..

В нескольких ярдах от того дома, где я жил, в траве валялись человеческие кости, а иной раз и целые скелеты. Я насчитал 36 черепов и видел много скелетов, лишенных черепов. Подозвав одного из туземцев, я спросил его, что это за кости. «Когда началось все это дело с каучуком, — сказал он, — солдаты перестреляли так много народу, что мы не успевали зарывать убитых. Очень часто нам и не разрешали их хоронить, а просто приказывали оттащить тела в траву и бросить там. Их тут сотни кругом — если хотите, можете взглянуть». Но я уже видел более чем достаточно...»

И в заключение сошлется на другого свидетеля, путешественника Герберта Фроста:

«Вооруженный солдат имеет абсолютную власть над этими порабощенными людьми. Любой из них — будь то вождь или ребенок — должен беспрекословно выполнять каждый приказ, желание или каприз солдата. По его приказанию под дулом пистолета человек осквернит свою собственную сестру, отдаст мучителю жену, которую любит больше всего на свете, сделает и скажет все, что угодно, ибо в противном случае будет убит. Муки и горе народа, порабощенного королем Леопольдом, с годами отнюдь не уменьшаются — назначенные королем комиссары ввели здесь систему, основанную на такой жестокости, какая до толе не снилась туземцам, ставшим жертвами короля».

Ужасно, не правда ли? Но разве еще не ужаснее выглядит на этом фоне такая, например, фраза: «Я хочу снова и снова повторять, что наша единственная программа — содействовать моральному и материальному возрождению (туземцев); мы должны проводить свою работу среди населения, настолько дегенерировавшего в унаследованных им от предков условиях, что степень этого вырождения трудно измерить. Многие ужасы и зверства, позорящие человечество, постепенно исчезают в результате нашего вмешательства». Слова эти принадлежат королю Леопольду...

А вот выдержки из «Официального бюллетеня» короля Леопольда:

«С установлением общего порядка в стране неизбежно улучшаются и условия существования туземца — это происходит повсюду, где он входит в контакт с европейским элементом. ...Цель общей политики Сво-

бодного Государства Конго — способствовать возрождению туземной расы, внедрив в сознание туземцев великую идею необходимости труда».

Поистине, я не знаю в истории ни одного высказывания, которое могло бы сравниться с этими — ни один пират, ни один бандит никогда не падал в столь глубокую бездну предельно гнусного лицемерия. Высказывания эти беспримерны по своей невероятной чудовищности и столь же невероятной наглости...

Я еще не касался в этой работе финансовой стороны вопроса. А между тем здесь кроется грандиозный скандал. Настолько грандиозный, что истинные его масштабы пока трудно определить. Я не буду углубляться в эту трясиину. Если бельгийцам нравится, чтобы их надували и чтобы их доброе имя было скомпрометировано как в вопросах моральных, так и в вопросах финансовых — что ж, пострадают в конечном итоге они сами. Можно отметить здесь лишь основные моменты, а именно: что за время независимого существования Государства Конго все отчетливы держались в тайне; никогда не публиковались бюджеты за истекший год, а лишь предварительные наметки на будущий; что Государство Конго имело колоссальные доходы и несмотря на это делало займы; что значительные суммы вырученных там денег загублены на спекуляции в Китае и других странах; что, как было установлено, король нажил в Конго в общей сложности по меньшей мере 7.000.000 фунтов стерлингов — эти деньги расходуются на строительство в Бельгии, на закупку земель в этой стране, на строительство на Ривьере, на подкуп государственных деятелей, а также европейской и американской печати (боюсь, что и наша пресса не совсем чиста в этом отношении) и, наконец, на покрытие огромных расходов самого короля Леопольда, личная жизнь которого снискала ему скандальную славу во всей Европе...

Итак, земля конголезцев присваивается, ее продукция присваивается, труд ее населения присваивается. В былые времена рабов вывозили из Африки, но с течением веков мы прогрессируем, становимся умнее, и теперь для нас ясно, насколько глупы старомодные методы — ведь африканца так легко превратить в раба у него же на родине...

В чем состоит прогресс? Разве в том, чтобы увеличивать скорость автомобилей и слушать хриплое бормотание граммофона? Ведь это только игрушки в нашей жизни. Если же под прогрессом понимать некую духовную категорию, значит мы не прогрессируем... Мы живем в эпоху спешки, но не называйте ее прогрессом. Ход событий в Конго делает самую идею прогресса довольно абсурдной.